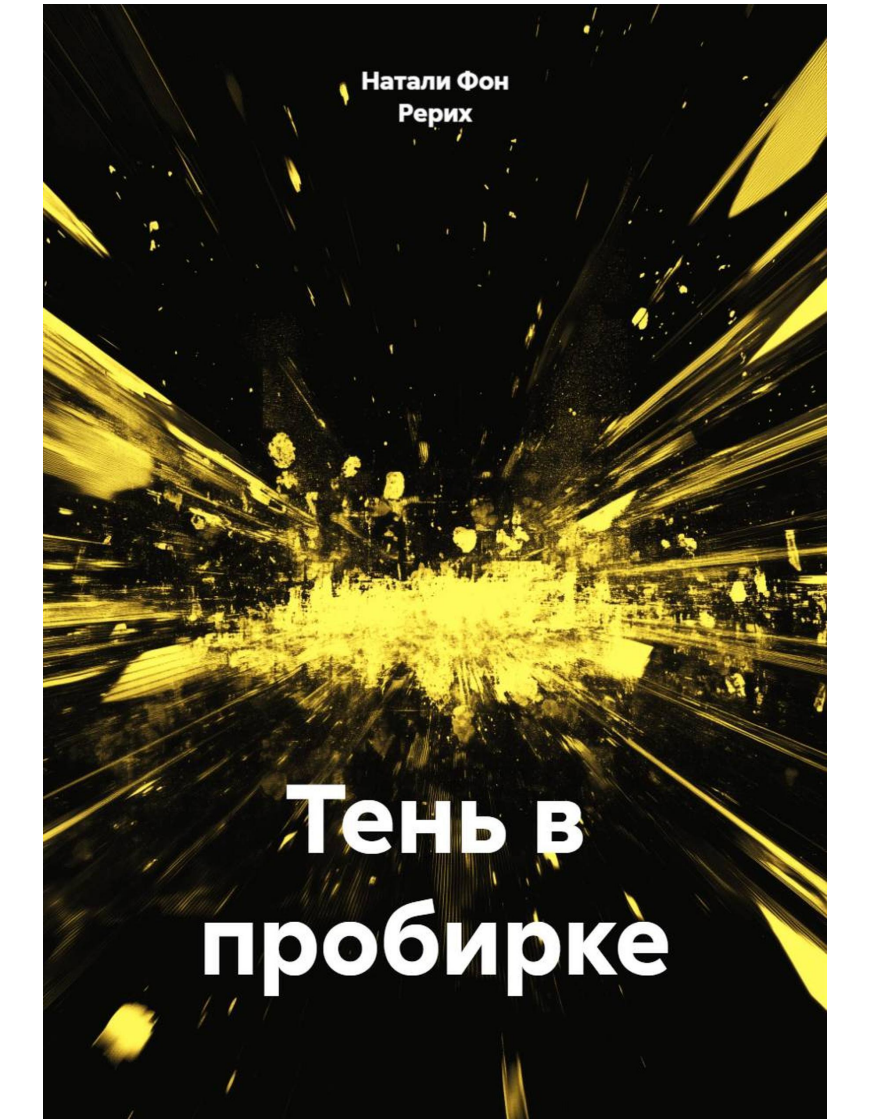

The background is a high-contrast, abstract composition of black and bright yellow. It features numerous diagonal streaks and a central, intense yellow explosion or burst of light, creating a sense of dynamic movement and energy.

Натали Фон
Рерих

Тень в пробирке

Натали Рерих

Тень в пробирке

<https://litres.ru/74576213>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эпидемиолог Элеонора Вейл приезжает в глухую английскую деревню по письму профессора Хартли. Трое его бывших коллег умерли за месяц от странных симптомов. Выясняется: много лет назад они создавали бактериологическое оружие и сохранили смертельный вирус «Химера-7». Кто-то методично убивает всех причастных. Элеоноре предстоит найти убийцу — но вирус уже вырвался на свободу.

Короткий детектив о науке, ответственности и вирусе, который не должен был существовать.

Натали Фон Рерих

Тень в пробирке

Тень в пробирке

Роман

Часть первая. Дом на холме

Глава 1

Доктор Элеонора Вейл прибыла в Сент-Мэри-Мид в четверть пятого пополудни, и первое, что она заметила, было полное отсутствие признаков жизни.

Это её насторожило.

Деревня — если это скопление серых каменных домиков с покосившимися заборами вообще можно было назвать деревней — лежала в низине, окружённая со всех сторон старыми буками. Дорога, ведущая к ней, петляла между холмами так причудливо, что Элеонора дважды сверялась с картой, которую ей прислали вместе с письмом. Ни на одном из этих холмов не паслись овцы, хотя апрельский день был на удивление ясным, и трава уже пробивалась сквозь прошлогоднюю листву. Ни в одном из садов не копошился садовник. Ни один дымок не поднимался из труб.

— Странно, — пробормотала она себе под нос, притормаживая у покосившегося указателя с надписью «Сент-Мэри-Мид, 1 миля».

Элеонора была женщиной тридцати восьми лет, с тёмны-

ми волосами, которые она носила коротко, и с лицом, которое обычно описывают как «интеллигентное» — что, как она подозревала, было вежливым способом сказать «некрасивое». Она носила очки в тонкой золотой оправе и одевалась практично: твидовое пальто, крепкие ботинки, шерстяной шарф. В кармане пальто лежало письмо, которое она перечитывала уже, наверное, в десятый раз.

«Уважаемая доктор Вейл,

Мне стало известно, что вы являетесь ведущим специалистом в области эпидемиологии и, что важнее, человеком, которому можно доверять. Я пишу вам не как представитель какого-либо учреждения, а как частное лицо, оказавшееся в крайне затруднительном положении.

В Сент-Мэри-Мид, где я проживаю, произошла трагедия. Трое моих коллег — людей, с которыми я работал бок о бок много лет, — скончались в течение последнего месяца. Симптомы были схожи: высокая температура, внутреннее кровотечение, отказ органов. Местный врач, старый мой друг, склонен объяснять это естественными причинами. Но я знаю то, чего не знает он.

Я не могу написать об этом в письме. Слишком многое поставлено на карту. Приезжайте, прошу вас. Я оплачу все расходы. И, ради всего святого, не сообщайте никому о цели вашего визита.

С уважением,

Профессор Эдвард Хартли»

Элеонора перечитала письмо ещё раз, когда машина уже катилась по узкой деревенской улочке. Бумага была дорогая, чернила — синие, почерк — старомодный, с наклоном вправо. Профессор Хартли. Она слышала это имя. Когда-то, лет двадцать назад, он был восходящей звездой вирусологии — пока не случился какой-то скандал, подробностей которого она не помнила. Что-то связанное с исследованием, которое было закрыто. С тех пор его имя почти не упоминалось в научных кругах.

Дом, в котором он жил, стоял на холме в конце деревни — большой викторианский особняк из тёмного камня, с высокими окнами и заросшим плющом фасадом. Элеонора припарковала машину у кованых ворот и вышла. Воздух был холодным и влажным, как это часто бывает в английской деревне ранней весной. Пахло землёй, прелыми листьями и чем-то ещё — слабым, неприятным запахом, который она не смогла сразу идентифицировать.

Ворота открылись с пронзительным скрипом. Она пошла по дорожке, вымощенной потрескавшимися каменными плитами, мимо розовых кустов, которые давно не подрезали. На крыльце её встретил мужчина лет семидесяти, высокий и худой, с седыми волосами и лицом, испещрённым глубокими морщинами. На нём был старый твидовый пиджак с заплатками на локтях и домашние тапочки.

— Доктор Вейл, — сказал он, и в его голосе слышалось

облегчение. — Слава богу, вы приехали.

— Профессор Хартли?

— Да, да. — Он пожал ей руку сухой, холодной ладонью.

— Проходите, прошу вас. Не будем стоять на пороге.

Внутри дом был таким же старомодным, как и его хозяин: тёмные деревянные панели, тяжёлые шторы, запах старой мебели и табака. Хартли провёл её в гостиную, где в камине горел огонь, и указал на кресло.

— Чай? — спросил он. — Вы, должно быть, устали с дороги.

— Спасибо, с удовольствием.

Пока он возился с чайником, Элеонора осмотрелась. На стенах висели фотографии в рамках: молодой Хартли в лабораторном халате, Хартли с группой других учёных на каком-то конгрессе, Хартли с женщиной, которая, судя по схожести черт, была его женой. На полках стояли книги по вирусологии — некоторые на английском, некоторые на русском, некоторые на немецком. В углу комнаты примостился старый микроскоп, покрытый пылью.

— Простите за беспорядок, — сказал Хартли, ставя перед ней чашку. — Я живу один с тех пор, как умерла Маргарет. Три года назад. С тех пор... всё как-то разладилось.

Он сел напротив неё в кресло и несколько минут молчал, глядя на огонь. Элеонора не торопила его. Она знала по опыту, что люди, которые долго решаются на разговор, часто нуждаются в тишине перед тем, как начать.

— Вы знаете, кто я? — спросил наконец Хартли.

— Слышала имя. Что-то связанное с вирусологией.

— Да. — Он горько усмехнулся. — Когда-то я был одним из ведущих специалистов в области исследования новых вирусных агентов. Работал в закрытом институте в Шотландии. Мы занимались... разработками. — Он сделал паузу. — Бактериологическим оружием, если называть вещи своими именами.

Элеонора кивнула. Она ожидала чего-то подобного.

— Это было в восьмидесятых. Холодная война, гонка вооружений, всё это безумие. Мы создавали вирусы, которые могли бы... ну, вы понимаете. Но потом, в девяносто первом, проект закрыли. Институт расформировали. Большинство материалов уничтожили. Большинство.

— Но не все.

— Не все. — Хартли подался вперёд, и его глаза заблестели лихорадочным блеском. — Мы с коллегами — нас было четверо — решили сохранить некоторые образцы. Не из злого умысла, поймите меня правильно. Мы надеялись, что когда-нибудь эти исследования можно будет использовать во благо. Для разработки вакцин, для понимания механизмов вирусной эволюции. Мы спрятали их в надёжном месте и договорились, что будем молчать.

— И что случилось?

— Месяц назад умер первый из нас. Джеймс Портер. Сердечный приступ, сказали врачи. Потом — Майкл Чен. Ин-

сульт. Потом — Сара Уолш. Воспаление лёгких. Все трое — в течение трёх недель. Все трое — здоровые люди, которым не было и шестидесяти.

— Вы думаете, их убили?

Хартли долго молчал, глядя в огонь. Потом сказал тихо:

— Я думаю, что кто-то нашёл наши образцы. И использует их.

Глава 2

Элеонора провела в доме Хартли весь вечер, задавая вопросы и делая пометки в блокноте. К концу разговора у неё сложилась более или менее ясная картина.

Четверо учёных — Хартли, Портер, Чен и Уолш — работали вместе в закрытом институте «Аргайл» в Шотландии с 1983 по 1991 год. Их специализацией были так называемые «химерные вирусы» — искусственно созданные агенты, комбинирующие фрагменты ДНК разных патогенов для достижения максимальной летальности и устойчивости к существующим методам лечения. После закрытия института они договорились сохранить несколько образцов — на случай, если эти исследования когда-нибудь понадобятся для мирных целей.

— Где именно вы их спрятали? — спросила Элеонора.

— В старом бункере на территории института. Он был построен ещё во время Второй мировой войны, для хранения документов. Мы оборудовали его холодильными установка-

ми. Всё было герметично, надёжно. Мы проверяли состояние образцов раз в год — по очереди.

— Кто проверял в последний раз?

— Сара. В январе. Она сказала, что всё в порядке.

— А после её смерти кто-нибудь ездил в институт?

— Нет. — Хартли покачал головой. — Я хотел, но... побоялся. Если кто-то там был, если он оставил следы... Я не хотел привлекать внимание.

Элеонора задумалась. Симптомы, описанные Хартли, действительно напоминали картину геморрагической лихорадки — но с некоторыми странностями. Слишком быстрое развитие, слишком специфическое поражение органов. Если это был один из тех «химерных вирусов», о которых говорил профессор, то всё сходилось.

— Профессор, — сказала она, — мне нужно увидеть этот бункер. И мне нужны все документы, которые у вас сохранились. Записи, протоколы, всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.